

Институт экономики
Российской академии наук

Институт нового
индустриального развития

РЕИНДУСТРИАЛИЗАЦИЯ РОССИЙСКОЙ ЭКОНОМИКИ:
ИМПЕРАТИВЫ, ПОТЕНЦИАЛ, РИСКИ

Руководители проекта:

Директор Института
экономики РАН,
д.э.н., проф., чл.-корр. РАН
Гринберг Р. С.

Директор Института нового
индустриального развития,
д.э.н., проф.,
Бодрунов С. Д.

Руководитель Рабочей группы – д.э.н., проф., чл.-корр. РАН Сорокин Д.Е.

Рабочая группа:

д.э.н. Амосов А.И., д.э.н. Белозерова С.М., к.э.н. Драндин Д.Л.,
к.э.н. Золотарев А.А., д.э.н. Карлик А.Е., к.э.н. Иванов Е.А.,
д.э.н. Плотников А.В., д.э.н. Оболенский, д.т.н. Редько П.Г.,
д.э.н. Сенчагов В.К., д.э.н. Соболева И.В., д.э.н. Сухарев О.С.,
д.э.н. Ткаченко Е.А., к.э.н. Филатов В.И., к.э.н. Шуйский В.П.

Москва – Санкт-Петербург

2013

СОДЕРЖАНИЕ

Социально-экономическая стратегия и промышленная политика	3
Реиндустриализация – основная задача современной промышленной политики	7
Кадровый потенциал реиндустриализации.....	17
Организационные механизмы политики реиндустриализации.....	22
Финансовый потенциал реиндустриализации.....	30
Внешнеэкономический потенциал реиндустриализации.....	37
Ключевые условия успеха реиндустриализации.....	43
Заключение	53

Социально-экономическая стратегия и промышленная политика

Материальным фундаментом стабильности государства служит устойчивый экономический рост, способный обеспечить защиту от внешних угроз и достойные, с точки зрения большинства граждан, условия их жизнедеятельности. Для России, в силу целого ряда исторически сложившихся геополитических обстоятельств, выполнение этого требования означает поддержание ее статуса в качестве одного из мировых полюсов влияния. Утрата такого статуса неизбежно ставит под вопрос само существование России в ее современных границах. Об этом российские обществоведы писали в позапрошлом столетии,^[1] этого же придерживается и main stream современной российской политической экономики^[2].

Данным обстоятельством определялась политика от Петра I и Екатерины II до советского периода с его установкой «догнать и перегнать». Отрадно, что в современной России, по крайней мере, на вербальном уровне, формулируются те же задачи. Уже при первой попытке создания долгосрочной стратегии социально-экономического развития для новой России, предпринятой в 2000 г., в качестве целевой установки было определено: «В среднесрочной перспективе... предотвратить дальнейшее увеличение разрыва между Россией и развитыми странами, а в долгосрочной перспективе – восстановить и упрочить позиции России как одной из стран-лидеров мирового развития»^[3].

Этот тезис был развит в Послании Президента России Федеральному собранию РФ (2003 г.), в котором говорилось о необходимости «все наши решения, все наши действия подчинить тому, чтобы уже в обозримом будущем Россия прочно заняла место среди действительно сильных, экономически передовых и влиятельных государств мира... Весь наш исторический опыт свидетельствует: такая страна, как Россия, может жить и

развиваться в существующих границах, только если она является сильной державой. Во все периоды ослабления страны – политического или экономического «перед Россией всегда и неотвратно вставала угроза распада».

Ныне в Концепции долгосрочного социально-экономического развития России на период до 2020 года^[4] определено, что «стратегической целью является превращение России в одного из глобальных лидеров мировой экономики».

О материальной базе достижения этой цели можно говорить тогда, когда будут сопоставимы технологические уровни экономики России и стран - лидеров современного мира. Исследования, проведенные научными коллективами РАН и доложенные общему собранию РАН (2008 г.)^[5], позволили сделать вывод, что экономики стран-лидеров опираются на так называемый пятый технологический уклад и начинают переход к шестому. Что же касается России, то ее экономика в основном находится в четвертом технологическом укладе с элементами пятого. Отсюда был сделан вывод, что необходимо поставить задачу завершения перехода к пятому технологическому укладу с одновременным занятием ряда «ниш» в шестом.

Специфика пятого и шестого технологических укладов – прикладное применение (использование) фундаментального научного знания, что привело к возникновению понятия «экономика, основанная на знании» (*«knowledge-based economy»*). Экономически это значит, что все большую долю в добавленной стоимости занимает научное знание. Отсюда вхождение в обиход термина «инновация», означающего не просто некое новшество, а новшество, созданное путем прикладного освоения научного знания^[6].

Таким образом, инновационная модель экономического роста предполагает способность не только производить новые знания, воплощенные в новые технологии, но и эффективно внедрять эти технологии

в производство с использованием соответствующих видов новой техники. Естественно, требуется развитая промышленная база для производства оборудования, требуемого другими секторами экономики^[7]. Не случайно лидируют в инновационной экономике страны с развитым промышленным потенциалом, прежде всего, – современным машиностроением и приборостроением. Эти отрасли выступают ядром национальных инновационных систем: с одной стороны, они формируют устойчивый спрос на технологические инновации, а с другой – содействуют их практическому освоению в производственных процессах.

При этом собственно производство продукции конечного потребительского и даже инвестиционного спроса с использованием новых технологий и технических средств может выноситься и за пределы национальных территорий (производственный аутсорсинг). Владельцами технологических знаний и производителями соответствующих видов новой техники, а следовательно, и получателями инновационной ренты остаются компании - инновационные лидеры. «Постиндустриальная экономика» не уменьшает роль индустриальной базы как таковой, а предлагает новые условия для поддержания ее развития и конкурентоспособности. В таких условиях не только масштабы промышленного потенциала, но и его способность к перманентному технологическому обновлению начинают играть первостепенную роль в поддержании конкурентоспособности и развития как конкретного бизнеса, так и национальной экономики в целом.

Словом, суть модернизации российской экономики заключается в обновлении ее промышленности на качественно новой технологической основе.

Опыт стран – технологических лидеров показывает: переход к пятому и, тем более, шестому технологическому укладам невозможен без проведения активной государственной промышленной политики и в инновационно-

инвестиционной, и в институциональной областях^[8]. Для российской экономики в конкретно сложившихся условиях это требование становится безусловным императивом.

Именно на него нацелена подготовленная Минпромторгом России Государственная программа «Развитие промышленности и повышение ее конкурентоспособности на период до 2020 года»^[9]. Настоящий доклад также предполагает определение в первую очередь ключевых ориентиров реализации современной промышленной политики Российской Федерации, приоритетными направлениями которой должны выступать:

- реиндустриализация на новой технологической основе ведущих секторов российской экономики как необходимое условие обеспечения динамичного и устойчивого экономического роста;
- динамичное наращивание конкурентных преимуществ в отраслях перспективного технологического уклада и постепенный переход экономики на инновационный путь развития.

Отмеченные магистральные направления взаимосвязаны и должны представлять собой целостную систему принятия и реализации государственных решений.

Реиндустриализация – основная задача современной промышленной политики

Существенная особенность теперешней российской экономики состоит в том, что технологическая реиндустриализация в стране должна происходить в условиях, когда еще не произошло восстановление промышленного научно-технологического потенциала, больше чем наполовину разрушенного в ходе системного кризиса 1990-х годов (табл. 1).

Таблица 1

Динамика восстановления промышленного производства (1991 г. = 100 %)

ГОДЫ	1998	2008	2009	2012	2015 (прогноз)
ВВП	60,5	117,8	108,6	122,1	138,2
Промышленность в целом	48,2	85,4	77,5	90,0	101,3
в т.ч.:					
Добыча полезных ископаемых	167,2	105,6	104,9	112,0	113,6
Обрабатывающие производства	40,7	82,9	70,3	87,1	101,4

Источник: здесь и далее, если не указано иное, использованы данные Росстата, Минэкономразвития России, Минфина России, Банка России.

Из приведенных данных следует, что сложившийся «сырьевой перекося» российской экономики вызван не «переразвитием» соответствующего сектора. Этот сектор формирует важное конкурентное преимущество нашей экономики и в обозримый период продолжит играть роль ее фундамента и потенциала развития. Более того, как показывают исследования, проведенные в Сибирском Отделении РАН, наличие в стране сырьевых, а также ресурсо- и энергоемких отраслей промышленности (металлургия, химия и нефтехимия и т.п.) снижает эффективность использования энергии независимо от прогрессивности общей экономической структуры (в США, Канаде и Великобритании эти показатели хуже, чем в высокоразвитых странах, где доля указанных отраслей не столь значительна).

Если нет возможности их «выноса» за пределы собственной территории (как сделала, например, Япония), то для обеспечения устойчивого экономического роста одновременно с увеличением эффективности производства и потребления энергии следует наращивать объемы ее использования^[10].

Проблема не в гипертрофированных масштабах сырьевого сектора, а в недоразвитости перерабатывающих отраслей. Испытав в ходе кризиса 1990-х годов гораздо более существенное падение по сравнению с добывающим сектором, перерабатывающий сектор, несмотря на последующий рост, к 2008 г. отставал на 17% по сравнению с 2008 г. и еще больше сократился во время кризиса 2009 г. По итогам 2012 г. выпуск продукции обрабатывающих отраслей в стране был на 13% меньше, чем в 1991 г. Уже один этот факт свидетельствует о сохраняющемся отставании промышленного производства в целом. Восстановление же общего объема производства в обрабатывающих отраслях (как и промышленности в целом) прогнозируется Минэкономразвития России только к 2015 г.

В свою очередь, состояние перерабатывающего сектора промышленности определяется уровнем развития машиностроения – главного фактора, определяющего уровень развитости промышленности в целом. Машиностроение служит ядром развития многих других секторов хозяйства, включая и электронную промышленность, которая обеспечивает функционирование так называемой информационной экономики.

Нынешнее состояние машиностроения характеризуется глубоким спадом производства: по итогам 2012 г. объем производства машиностроительной продукции составил чуть более половины от уровня 1991 г., а к 2015 г., согласно прогнозу Минэкономразвития России, не превзойдет двух третей от объема 1991 г. По отдельным видам машиностроительной продукции этот спад беспрецедентен (табл. 2).

Таблица 2

Динамика выпуска отдельных видов продукции машиностроения

Годы	1990	2011
Турбины, млн кВт	12,5	6,8
Тракторы на колесном ходу, тыс. шт.	77,8	12,7
Тракторы на гусеничном ходу, тыс. шт.	63,8	1,72
Комбайны зерноуборочные, тыс. шт.	65,7	6,2
Комбайны кормоуборочные, тыс. шт.	10,1	0,286
Доильные установки, тыс. шт.	30,7	2,6
Прядильные машины, шт.	1509	27
Ткацкие станки, шт.	18300	9
Автомобили грузовые, тыс. шт.	665	207

Сегодня по доле машиностроения в структуре обрабатывающих производств российская экономика далеко отстает от стран – основных конкурентов (табл. 3).

Таблица 3

Доля производства машин и оборудования* в структуре обрабатывающих производств

Страна	Год	Доля машин и оборудования, %
Россия**	2011	21,5
США	2007	32,5
Германия	2008	42,8
Великобритания	2007	29,8
Франция	2008	27,9
Япония	2007	44,4
Бразилия	2007	26,9
Китай	2009	33,6

* Включая производство электрооборудования, электронного и оптического оборудования, транспортных средств и оборудования.

** По показателю «Отгружено товаров собственного производства, выполнено работ и услуг собственными силами».

Результатом отставания машиностроительных отраслей стал «сырьевой сдвиг» в структуре российской промышленности (рис. 1).

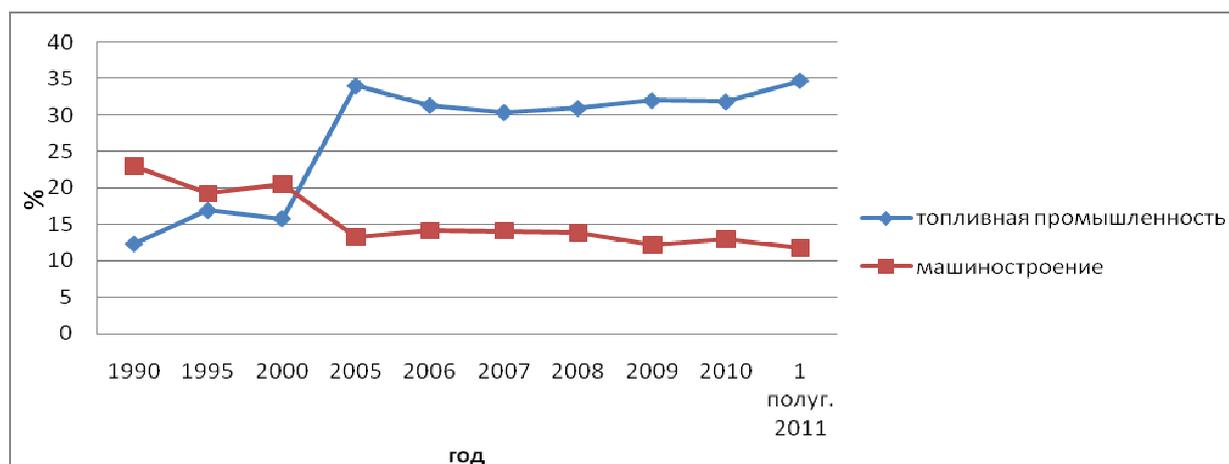

Рис. 1. Динамика доли топливной промышленности и машиностроения в общем объеме промышленного производства

При этом спад отечественного машиностроения произошел прежде всего за счет стремительного сокращения производства в станкостроительных отраслях (табл. 4).

Таблица 4

Динамика производства по видам экономической деятельности в промышленности (1991 г. = 100 %)

Годы	Факт				Прогноз	
	1998	2008	2009	2012	2015	2020
Производство машин и оборудования	38,1*	63,3	43,4	53,5	66,8	
В т. ч.						
металлорежущие станки	11,2	7,2	2,8	5,1	7,7	9,6**
кузнечно-прессовые машины	5,4	11,5	5,3	8,3	8,2**	11,3**

* 1995 г.

** Государственная программа Российской Федерации «Развитие промышленности и повышение ее конкурентоспособности на период до 2020 года». Минпромторг России, 2013.

Объемы производства машин и оборудования к 2012 г. едва превысили половину от объема 1991 г., не достигнув даже уровня 2008 г., а станкостроение – сократившись к 1998 г. на порядок по сравнению с 1991 г., в том числе станков с ЧПУ до 3,4 %, – так и не оправилось от понесенных потерь. Характерно, что производство металлорежущих станков продолжало сокращаться и в ходе восстановительного роста 2000-х годов. Число

металлорежущих станков высокой и особо высокой точности сократилось до 1,5 % к уровню 1995 г.; отрасль была по существу «добита» кризисом 2009 г.

И хотя в последующие годы здесь наметился некоторый рост, в соответствии с прогнозом Минпрома России объем производства металлорежущих станков даже к 2020 г. не достигнет уровня кризисного 1998 г. Что же касается производства кузнечно-прессовых машин, то, согласно прогнозам, до 2015 г. оно будет, по сути, «топтаться» на месте и даже к 2020 г. окажется почти на порядок ниже, чем в 1991 г.

В результате по производству металлорежущих станков сегодняшняя Россия далеко отстает от стран-конкурентов.

Таблица 5

Производство металлорежущих станков, штук

Тип станков	Сверлильные и фрезерные			Токарные*		
	2007	2008	2009	2007	2008	2009
Россия	2 826	2 408	811	1 360	1 412	515
Германия	15 721	45 370		6 574	23 342	
США**	9 246	8 139		6 210	7 416	
Япония	16 544	14 311		27 761	26 998	6 691
Бразилия	9 127	11 799		13 344	5 429	

* Автоматические и неавтоматические.

** Отгрузка. Исключая станки стоимостью до 3025 долларов США.

Отставание станкостроения неизбежно влечет за собой физическое и моральное старение производственной технологической базы (табл. 6).

Таблица 6

Возрастные характеристики производственного оборудования

Сектор экономики	Технологическое оборудование	
	Возраст	Доля, %
Реальный сектор	16 – 35 лет	~ 80 %
Машиностроение	> 25 лет	> 50 %

Как известно, СССР входил в число стран мировых лидеров в станкостроении. Сейчас отечественное станкостроение занимается в основном ремонтом и модернизацией старых станков, почти не производя

новое оборудование. При этом речь уже не идет о простой замене износившегося парка станков. *Стране предстоит как можно быстрее начать решать более сложную задачу – обеспечивать машиностроительные производства наукоемким металлообрабатывающим оборудованием с использованием компьютерных программ. В противном случае придется считаться с рядом важных следствий: во-первых, с невозможностью производства конкурентоспособной продукции, в том числе по оборонному заказу¹¹¹, и, во-вторых, с наращиванием технологической зависимости всего народного хозяйства от импорта машиностроительной продукции.*

Начиная с 2002 г., импорт металлообрабатывающего оборудования превышает его внутреннее производство. По оценке «Станкоимпорта», ежегодный объем продаж станков в России составляет 1-1,5 млрд долл., причем доля отечественных – не более 1%. К тому же в силу известных причин геополитического порядка закупки Россией наиболее эффективной и современной станкостроительной продукции и технологий сильно ограничены. Широко известны проблемы отверточной сборки импортных компонентов в автомобилестроении. Отечественные судостроительные заводы сейчас строят корпуса судов и продают их на комплектование в Голландию, авиапром вынужден импортировать авионику и т.д. По многим видам машин и оборудования предприятия целиком перешли на импортные закупки.

Сложившаяся ситуация неизбежно ведет к сохранению зависимости социально-экономического развития страны от мировой конъюнктуры на энергосырьевые товары (табл. 7).

Таблица 7

Доля нефтегазовых доходов в общем объеме доходов федерального бюджета, %

ГОДЫ	2005	2006	2007	2008	2009	2010	2011	2012	2013	2014	2015
Факт	42,2	46,9	37,2	47,3	40,7	46,1	49,6				

Прогноз-2011							49,3	47,3	44,4	43,5	
Прогноз-2012								50,5*	46,1	44,6	44,4

* Оценка

«Ненефтегазовый дефицит, - отмечается в Основных направлениях деятельности Правительства до 2018 года, - сегодня составляет 10,5 процента валового внутреннего продукта, при том, что безопасный его уровень оценивается вдвое ниже. В то же время его сокращение приведет к сдерживанию государственного спроса и будет способствовать замедлению экономического роста».

Важно отметить, что в результате отставания машиностроительных отраслей Россия, будучи одним из ведущих производителей энергоресурсов в мире, далека от лидерства в производстве передового технологического оборудования для разведки, добычи и переработки нефтегазовых ресурсов, равно и других сырьевых товаров. Страна демонстрирует довольно низкие, по сравнению с ведущими экономиками, технико-экономические показатели работы ТЭК.

Вследствие деградации обрабатывающего сектора российская экономика во все большей мере начинает исполнять роль поставщика сырья для мирового хозяйства (табл. 8).

Таблица 8

Товарная структура экспорта из Российской Федерации, %

Годы	2000	2005	2011
Минеральные продукты	53,8	64,8	71,1
Машины, оборудование и транспортные средства	8,8	5,6	5,0

В связи с этим учащаются прогнозы, согласно которым России грозит участь энерго-сырьевого придатка глобальной экономики. Однако таким придатком может стать лишь часть нынешней территории страны, но не нынешнее российское государство. Российская Федерация в силу целого ряда

геополитико-экономических обстоятельств в случае реализации этих прогнозов *может превратиться* из субъекта мировых отношений в *их объект* с соответствующими последствиями для своей государственности^[12].

Чтобы предотвратить такое развитие событий, необходимо инициировать и проводить комплексную систематическую промышленную политику. Причем *ныне речь* должна идти не просто о модернизации экономики, а о восстановлении на новой технологической основе тех производств, утрата которых чревата быстрым отставанием от стран-лидеров и *закреплением* режима зависимого индустриально-технологического развития. *В этом суть процесса реиндустриализации российской экономики, заключающемся в проектировании и развёртывании внутренних индустриально-технологических цепей, создающих готовые изделия как сугубо промышленного, так и потребительского назначения.*

Вместе с тем, несмотря на очевидные потери в научно-техническом и научно-технологическом потенциале, *Россия, согласно имеющимся авторитетным оценкам*, все еще способна не только преодолеть его дальнейшую деградацию, но и решить задачу модернизации. *Нельзя в этой связи согласиться с весьма распространенным мнением*, что наша страна настолько отстала в машиностроении от других стран, что ей выгоднее (дешевле и быстрее) покупать продукцию за рубежом, чем разрабатывать технологии для достижения аналогичного или более высокого качества. Из 50-55 макротехнологий, составляющих базу пятого технологического уклада, Россия обладает 17-ю (в том числе ядерными, космическими, авиационными, отдельные сегментами нано- и биотехнологий, а также в нефте-газодобыче и переработке, производстве некоторых видов оружия, химическом, энергетическом, транспортном машиностроении)^[13]. При этом не следует забывать, что изделия, имеющиеся на рынке, - это всегда вчерашний день научно-технической мысли, а опора на импорт в создании собственной

технологической базы неизбежно *закрепляет* технологическое отставание от стран-лидеров, не говоря уже о технологической зависимости^[14].

Оценивая предстоящие трудности масштабной реиндустриализации, следует помнить, что наш собственный опыт XX века указывает на возможность осуществления такого рода мегапроектов в условиях разрушенной машиностроительной базы^[15]. К тому же можно привести пример Японии и ФРГ в 1950-е годы, Китая - в 1980-1990-е годы, которые сумели восстановить (Китай - создать) собственное машиностроение довольно быстро и превратиться в ведущие (Япония, ФРГ) или, по крайней мере, очень значимые (Китай) индустриальные державы.

Определяя приоритеты реиндустриализации, надо иметь в виду, что задача восстановления статуса России в качестве одного из «полюсов влияния» современного мира диктует необходимость создания в стране комплексной промышленной базы современного технологического уровня. При этом специфика геополитического положения страны предопределяет необходимость самодостаточности многих отраслей, даже если чисто экономически здесь было бы выгоднее использовать возможности международного разделения труда.

Исходя из этого, безусловным приоритетом политики реиндустриализации должно стать создание «ядра саморазвития» - набора производств, обладающих способностью, с одной стороны, производить орудия труда, позволяющие создавать технологически совершенное оборудование для ключевых с точки зрения безопасности (в том числе военной) отраслей. С другой стороны, не менее важно, чтобы набор таких производств умел самовоспроизводиться. Об этом говорит и опыт таких стран, как США, Япония и Германия, где указанные отрасли импортонезависимы. *По тому же пути идут и те государства, которые претендует на роль «полюса влияния».*

В этой связи следует всецело поддержать положение Государственной программы развития промышленности, определяющей в качестве приоритетной цели развития станкостроения «создание категорий импортозамещающих средств машиностроительного производства, которые относятся к технологиям двойного назначения и наиболее востребованы стратегическими организациями машиностроительного и оборонно-промышленного комплексов». Такой комплекс *необходим России, даже если он будет недостаточно эффективным под углом зрения сравнительных конкурентных преимуществ*, прежде всего, для сохранения вооруженных сил, оснащенных конкурентоспособными в военном отношении системами вооружений, способных обеспечить защиту геополитико-экономических интересов России по всему миру. Очевидно, что здесь противопоказано рассчитывать на импортные поставки и требуется развитие собственной производственной базы^[16].

В свете сказанного не может не вызывать озабоченности положение Государственной программы развития промышленности о том, что в реализации подпрограммы «Станкоинструментальная промышленность» «непосредственное участие государственных корпораций, акционерных обществ с государственным участием и иных юридических лиц (общественных и научных организаций, а также государственных внебюджетных фондов) – не предусмотрено».

Так же сомнительна и содержащаяся в упомянутой программе оценка достаточности доли отечественного станкостроения на внутреннем рынке. Например, по металлорежущим станкам она хотя и должна к 2020 г. увеличиться вдвое по отношению к 2011 г., но составит всего 12%. Что же касается кузнечно-прессовых машин, то и здесь роста практически не намечается: в 2011 г. – 6,7%, в 2020 г. – 7%^[17].

Кадровый потенциал реиндустриализации

Важнейшее условие достижения целей реиндустриализации – ее кадровая составляющая. Оценивать последнюю следует по двум направлениям:

- профессионально-квалификационный и социально-демографический портрет задействованных в промышленности на сегодня кадров, возможности их переподготовки и повышения квалификации;
- проблемы и перспективы подготовки новых кадров для промышленности.

Практически весь прошедший период шел отток специалистов из промышленности, особенно в активном возрасте, что продолжается до сих пор (табл. 9).

Таблица 9

Сокращение среднесписочной численности, занятых в экономике и промышленности

Годы	1990	1995	2007	2009
В экономике, среднесписочная численность, млн человек	75,3	66,4	68,0	67,3
в том числе в промышленности	22,8	17,2	14,3	13,3
удельный вес занятых в промышленности в общей численности занятых в экономике, %	30,3	25,9	21,0	19,7

Результат – старение кадров в промышленности и увеличение «незаполняемости» вакансий. За все постсоветское время рост занятых имел место лишь в добывающих отраслях, энергетике и черной металлургии, в то время как численность производственного персонала в машиностроении не просто сокращалась, а обвально сокращалась. За весь период реформ (1990-2012 гг.) число занятых здесь сократилось почти на 90%: к августу 2012 г. на предприятиях отрасли осталось лишь 851 тыс.

человек, в то время как до начала рыночных реформ (1990 г.) в российском машиностроении было занято около 10 млн. трудящихся (9652 тыс. человек).

При этом даже на относительно успешных предприятиях проблема старения оставшихся кадров приобретает особую значимость. В сущности, речь идет о так называемой демографической яме, то есть об отсутствии квалифицированного и надежного ядра работников среднего возраста. Такое ядро, в случае, если оно сохранилось, составляют работники старших возрастов, по мере сил обучающие молодые кадры^[18]. Менее успешные предприятия, обладающие низкой конкурентоспособностью на рынке труда, испытывают острый кадровый голод.

В последние годы стратегический дефицит трудовых ресурсов усугубляется высвобождением избыточной рабочей силы как в связи с временным кризисным сокращением спроса на труд, так и в связи с реструктуризацией производств и внедрением роботизированных технологий на модернизируемых предприятиях. Не случайно в Стратегии развития промышленности в сфере станкостроения выделяются «риски, связанные с несоответствием квалификации персонала потребностям, необходимым для реализации мероприятий Подпрограммы, а также физическим отсутствием квалифицированной рабочей силы на предприятиях отрасли».

Среди кадровых причин, препятствующих восстановлению отечественного машиностроения и металлообработки на новой технологической основе, необходимо выделить следующие факторы:

- разбалансированность интересов работодателей, работников и государства в проведении модернизации;
- утрата кадров активного рабочего возраста, *старение* рабочей силы, не способной к переобучению;

- снижение мотивации молодых кадров к занятости в промышленном производстве;
- низкая оплата труда в действующем производстве и недооценка сложного труда при переходе к новым технологиям;
- несоответствие доплат за новые функции работника и низкий уровень компенсационных выплат за нестандартные условия труда;
- отсутствие подготовки специалистов для работы на новом оборудовании в промышленном производстве;
- разрушение системы подготовки и переподготовки специалистов, предприятий, преподавателей высших учебных заведений;
- недоучет при разработке учебных программ радикальных изменений в технологиях современного производства, достигнутых в развитых странах.

Обеспечение предприятий специалистами невозможно без восстановления системы подготовки кадров, включая их послевузовскую подготовку, ориентированную на применяемые технологии, и создание системы переподготовки преподавателей вузов с участием специалистов предприятий, использующих новые технологии и программ-продукты.

Сегодня сотрудники кадровых подразделений промышленных предприятий в один голос заявляют, что формальная система образования не готовит в нужном количестве, а часто не готовит вообще необходимых им кадров. Поэтому вновь нанимаемых работников, если только у них не было опыта работы на аналогичном производстве, приходится переучивать или доучивать самостоятельно. Вместе с тем признается, что распространение «всеобщего высшего образования», частично компенсируя провалы школьного образования, создает неплохую основу для последующего освоения современных рабочих профессий.

Как бы то ни было, успех реиндустриализации отечественной экономики будет в значительной степени определяться качеством кадровой политикой как государства, так и корпораций. Следовательно, финансовые методы государственного регулирования должны сочетаться с затратами предприятий на подготовку и переподготовку специалистов.

Между тем приходится констатировать, что работодатели, будучи крайне недовольными государственными усилиями в области подготовки кадров, в свою очередь также не проявляют высокой активности в обучении работников. Согласно официальным данным Росстата, доля расходов на внутрифирменное обучение в совокупных затратах на рабочую силу на протяжении последних двух десятилетий удерживалась на катастрофически низком уровне 0,3 - 0,4%. Согласно результатам ежегодного исследования эффективности управления персоналом, проводимого PricewaterhouseCoopers и охватывающего только крупные и успешные компании как наиболее благополучного сегмента российского рынка труда, в России соответствующие затраты примерно вдвое ниже, чем в странах ЕС.

Обостряющееся рассогласование профессионального образования и потребностей промышленных предприятий заставляет работодателей, которые сегодня, по их собственному выражению, «дошли до края»^[19], активизироваться. Сегодня они (по крайней мере, на уровне инициатив РСПП и «Деловой России») готовы сотрудничать с государственными структурами на всех этапах реформирования упомянутой системы: от разработки образовательных и профессиональных стандартов до предоставления университетам дополнительного финансирования, оборудования учебных классов, лабораторий и мастерских, корпоративных методик модульного обучения, по которым сегодня происходит «доводка» выпускников вузов на рабочих местах, и личного участия в учебном процессе. Видимо, со стороны государства должна быть проявлена активность в развитии государственно-

частного партнерства при подготовке кадров, способных осуществить реиндустриализацию российской экономики.

Рассматривая проблемы создания кадрового потенциала реиндустриализации, следует также иметь в виду, что характер новых технологических укладов требует новых подходов к формированию национального человеческого потенциала, становящегося решающим фактором устойчивого долгосрочного развития страны.

Современная технологическая база требует не *просто высококвалифицированного, а творческого (креативного) работника*. Такие работники предъявляют соответствующие требования к качеству жизни, удовлетворение которых предполагает динамичное развитие образования, культуры, здравоохранения, а также улучшения материальных условий. На этом фоне анахронизмом выглядят призывы «затянуть пояса» ради блага следующих поколений. Люди с «затянутыми поясами» не могут *быть ни источником, ни проводником инноваций*.

Без развития отраслей, обеспечивающих воспроизводство национального человеческого *потенциала, адекватного* задачам нового индустриального развития, неизбежно нарастание не только экономических, но и социально-политических диспропорций, чреватых хозяйственной стагнацией и социальными конфликтами.

Организационные механизмы политики реиндустриализации

Ныне все больше обостряется противоречие современной экономической политики в России: с одной стороны, растет понимание необходимости широкомасштабной модернизации экономики как главного условия ее выхода на устойчивый рост, а с другой – все нагляднее неспособность реально «запустить процесс» такой модернизации. Отечественная экономика оказалась в структурно-институциональной «ловушке». Суть этой «ловушки» заключается в том, что экономика не смогла эффективно реагировать на расширение внутреннего спроса за счет увеличения инвестиционной активности. Исходной причиной, породившей эту ситуацию, стал недостаток целеполагания в экономической политике, то есть отсутствие целостной картины перспективной структуры российской экономики и, как следствие, локомотивных проектов модернизации ее основных секторов.

Характерно, что в новой редакции «Стратегии 2020», а именно в главе, посвященной видению и задачам развития национальной промышленности, нет ни одного упоминания о приоритетах промышленного развития страны. По-видимому, это следствие того, что в российском правительстве до сих пор не сложилось общее реалистичное представление о содержании промышленной политики. Министерства экономического блока правительства, похоже, практикуют старый радикал-либеральный подход, в соответствии с которым государство должно проявлять активность только в развитии транспортной инфраструктуры, а участие в реализации проектов по модернизации и диверсификации собственно промышленного потенциала минимизировать. Не случайно в «Концепции-2020» приоритеты отдаются формированию общей институциональной среды, а не содержанию и методам активной промышленной политики. Не

представлено там и конкретное видение долгосрочных направлений трансформации отечественного машиностроения в разрезе важнейших отраслевых комплексов.

В результате в стране так и не сложилась система формирования независимой оценки как приоритетных направлений диверсификации промышленного потенциала страны, так и отбора приоритетных проектов для государственной поддержки. Сохраняется нечеткое распределение функций между Министерством промышленности и торговли, которое занимается разработкой концепций и программ развития отдельных секторов промышленности, и Министерством экономического развития, в чьем ведении формирование инвестиционной составляющей бюджета и отбор целевых программ развития, то есть формирование экономических условий их реализации.

Не облегчает ситуацию и факт присоединения России к ВТО. Несмотря на то, что переговоры о вступлении продолжались 18 лет, они не были скоординированы с задачами и приоритетами структурной и технологической модернизации национальной промышленности и экономики в целом. В результате Россия вступила в ВТО с неотструктурированной и неконкурентноспособной промышленностью. Правительство оказалось вынуждено для поддержки различных секторов отечественной промышленности в спешном порядке разрабатывать специальные программы, эффективность которых вызывает серьезные сомнения, учитывая общие менее благоприятные воспроизводственные условия для российской обрабатывающей промышленности. Вступление в ВТО, разумеется, усиливает конкурентные вызовы для отечественных производителей, но не открывает больших дополнительных возможностей для роста их конкурентоспособности, поскольку наибольшую выгоду от членства в ВТО получают страны с высоко конкурентной обрабатывающей

промышленностью, для которой в рамках этой организации формируется более благоприятный экспортный режим.

Качество и эффективность промышленной политики определяется качеством государственных институтов и процедур формирования и реализации такой политики (выбор приоритетов модернизации, качество обоснования проектов для инвестирования, схемы кредитования и контроль за целевым использованием выделяемых ресурсов).

Здесь приходится учитывать низкое качество и самой структурной политики, и созданных институтов развития. В РФ не отработана эффективная система разработки концептуальных документов, определяющих перспективы развития основных секторов национальной экономики и промышленности. «Концепция-2020» не получила дальнейшей конкретизации в концептуальных документах по развитию отдельных секторов национальной экономики и промышленности. Отраслевые концепции с опозданием и не в полном формате разработаны лишь для узкого круга отраслей и не доведены до уровня долгосрочных программ модернизации и развития важнейших отраслевых комплексов, а также слабо коррелируются между собой.

Как следствие, не выработана система выбора и оценки системообразующих проектов для модернизации и развития таких комплексов. Все эти работы не носят системного характера, не взаимосвязаны на межотраслевом уровне по ресурсам и со среднесрочным циклом бюджетного планирования. В результате пока не создана прозрачная и понятная система разработки технологического обеспечения развития важнейших отраслей промышленности – не ясно, кем и как формируются технологические приоритеты развития (критические технологии), какую экспертизу проходили, как они увязаны с перспективами развития соответствующих отраслей национальной промышленности и экономики. В

итоге складывается впечатление, что все разрозненные элементы промышленной и технологической политики – всего лишь результат лоббирования заинтересованных хозяйственных структур и служат в основном инструментом доступа к средствам федерального бюджета.

Ситуация осложняется общей непрозрачностью российского бизнеса в отношении реальных собственников и условий формирования реальных издержек и прибыли. Последнее обстоятельство осложняет выстраивание эффективных взаимоотношений государства и бизнеса по финансированию приоритетных проектов развития.

Отмечая невысокий качественный уровень российских институтов государственного управления, важно не путать причины и следствия. Дело в том, что качество функционирования институтов есть результат определенного накопленного опыта и, следовательно, тех задач, решением которых эти институты занимались. Современные российские институты формировались в условиях демонтажа советской плановой системы и «первоначального накопления капитала», обвального сокращения государственного участия в экономике. Эти обстоятельства и определяют в значительной степени как ментальность большого числа госслужащих, так и их нынешний профессиональный уровень.

Для нас очевидно, что уровень деятельности госаппарата не может повышаться ни сам по себе, ни в результате специальных кампаний по «очищению и улучшению». Качество государственных институтов начнет реально меняться только тогда, когда начнет трансформироваться характер решаемых ими задач, осуществляться переход от превалирования разрешительно-распределительных функций к усилению созидательных.

Формирование политики реиндустриализации предполагает решение трех задач.

Первая – определение приоритетных направлений реиндустриализации.

Вторая – установление алгоритмов реализации принятых приоритетов.

Третья – включение механизмов концентрации ресурсов на приоритетных направлениях, обеспечивающих достижение намеченных целей.

Определение приоритетных направлений реиндустриализации требует совместной экспертной работы специалистов разных отраслей знания. Пока лишь очевидно, что за последние годы эти приоритеты неоднократно менялись, о чем свидетельствует табл. 10.

Таблица 10

Изменения в приоритетных направлениях развития науки и техники

Приоритетные направления	1996	2002	2006	2009	Направления технологического прорыва
Фундаментальные исследования	+	-	-	-	-
Информационно-телекоммуникационные технологии	+	+	+	+	+
Производственные технологии	+	+	-	-	-
Новые материалы и химические технологии	+	+	-	-	-
Живые системы, медицина (наука о жизни)	+	+	+	+	+
Транспортные технологии	+	+	-	+	-
Энергетика и энергосбережение	+	+	+	+	+
Экология и рациональное природопользование	+	+	+	+	-
Космические технологии и системы	-	+	-	+	+
Индустрия наносистем	-	-	+	+	+
Оборонно-промышленный комплекс, ядерные технологии	-	+	+	+	+
Безопасность и противодействие терроризму	-	-	+	+	-

Источники: Основные направления государственной научно-технической политики на среднесрочный и долгосрочный период. Доклад Министерства промышленности и науки РФ. М., 2000. (В соответствии с поручением Правительства РФ от 27.10 2000 г. (ИК-П 829 269); Приоритетные направления развития науки, технологий и техники в Российской Федерации (Пр-843 от 21.05 2006 г.) и Перечень критических технологий Российской Федерации (Пр-844 от 21.05 2006 г.; Приоритетные направления развития науки, технологий и техники в РФ (Указ Президента РФ №899 от 7.07 2011 г.).

Поскольку современная экономика характеризуется высокой динамикой используемых технологий, корректировка приоритетов здесь, безусловно, необходима. Однако столь частая их смена скорее свидетельствует об

отсутствии целеполагания при формировании национальной экономической политики. Выбранные приоритеты должны быть установлены не только на макроуровне, но и на уровне отдельных секторов экономики и конкретизированы в перечнях структурообразующих проектов, реализация которых позволит обеспечивать масштабный технологический и мультипликативный межотраслевой эффект.

Практически содержание политики реиндустриализации в сегодняшней России должно сводиться к формируемым самим государством инвестиционных проектов по наращиванию мощностей приоритетных промышленных производств как локомотивов устойчивого экономического роста. В свою очередь, алгоритмы реализации подготовленных инвестиционных проектов предполагают определение для них соответствующих «точек опоры». Их выявление требует масштабной инвентаризации технологического потенциала. Только такая инвентаризация позволит определить возможности реализации намеченных приоритетов, выявить ресурсы для последовательного движения к намеченным целям.

Исходить при этом необходимо из того, что организационная структура российской промышленности ныне характеризуется высокой степенью концентрации и централизации капитала в отраслях топливно-энергетического комплекса (прежде всего газовой, электроэнергетике, нефтяной) и чрезмерной размытостью капитала в отраслях обрабатывающей промышленности, в первую очередь в машиностроении и приборостроении. По сути, в России отсутствуют крупные машиностроительные корпорации международного уровня, способные работать на глобальном международном рынке. При такой организационной структуре обрабатывающая промышленность страны в принципе не способна обеспечить необходимый уровень конкурентоспособности производства по сравнению с ведущими

зарубежными отраслевыми корпорациями, интегрированными в транснациональные финансово-промышленные группы.

Как уже отмечалось, лишь во второй половине нулевых годов правительство стало принимать определенные меры по концентрации активов и реструктуризации некоторых отраслей машиностроения в формате госкорпораций и акционерных обществ с контрольным участием государства (авиастроение, судостроение, отрасли оборонно-промышленного комплекса, ГК «Ростех») с целью приспособить их к условиям глобализирующихся товарных рынков. Государство начало объединять подконтрольные станкостроительные активы в рамках ОАО «Росстанкопром». Однако значимых позитивных успехов для экономики от такой реструктуризации пока не отмечается. Реструктуризация промышленного потенциала в рамках госкорпораций имеет достаточно узкую направленность, связанную в основном с сохранением оборонно-промышленного потенциала страны, вследствие чего обладает низким общесистемным (общепромышленным) эффектом. Кроме того, как и в советское время, сохраняется организационно-экономическая обособленность российского ОПК от гражданского сектора технологически емкого машиностроения, что сдерживает трансфер технологий.

В отличие от сырьевых корпораций с высокой долей экспорта, отечественный машиностроительный комплекс, за небольшим исключением в виде отдельных оборонно-промышленных секторов, экспортирующих свою продукцию, не имеет возможности увеличивать инвестиционные ресурсы за счет внешних финансовых рынков (долгосрочные кредиты; IPO). Ясно, что это обстоятельство также консервирует сложившийся низкий уровень конкурентоспособности данного комплекса.

Чтобы улучшить положение дел здесь, серьезное внимание должно быть уделено восстановлению прикладной науки, проектному делу, инжинирингу,

которые понесли чувствительный урон в трансформационный период и, по сути, оказались на грани исчезновения. Необходима специальная программа возрождения прикладной науки и ОКР. Возможно, это и следует делать на основе формирования системы национальных исследовательских университетов, а не противопоставлять их научным центрам РАН.

Финансовый потенциал реиндустриализации

При определении источников финансовых ресурсов, необходимых для реиндустриализации, самым спорным и острым вопросом, требующим тщательного обоснования, является использование накопленных финансовых резервов. В этой связи следует отметить, что неверно в качестве резервов на случай кризиса считать только Резервный фонд и отчасти Фонд национального благосостояния. Исходя из этого очень спорного положения, проектом бюджета намечено увеличить Резервный фонд с 2,8 трлн руб. на конец 2012 г. до 4,7 трлн руб. к концу 2015 г., т.е. опять 2 трлн руб. будет изъято из хозяйственного оборота и не будет участвовать в содействии модернизационно-инновационных процессов. Предполагается, что и Фонд национального благосостояния увеличится до 2,8 трлн руб. Важным финансовым резервом на случай кризиса являются также золотовалютные резервы страны, которые в настоящее время составляют более 525 млрд долларов, или по сегодняшнему курсу более 16 трлн руб. Кроме того, есть ещё резервы Агентства по страхованию вкладов, Агентства содействия жилищного строительства и, наконец, средства Пенсионного фонда (а их порядка 2,5 трлн руб.). В целом государство уже сейчас имеет финансовые резервы в сумме порядка 20 трлн руб. Это в три-четыре раза больше, чем было затрачено на преодоление кризиса 2009 г.

Дальнейшее накопление крупных избыточных финансовых резервов представляется нецелесообразным. Перенакопление резервов не менее, а скорее даже более опасно для экономики, чем их недостаточность. Дело в том, что накопленные финансовые резервы лишь смягчают последствия от кризиса в денежно-финансовой сфере. Действительная и надёжная защита от кризиса – модернизация экономики.

Если в 2013–2015 гг. образуются весьма вероятные дополнительные доходы бюджета из-за более высоких цен на нефть, чем это принято по новым правилам, то в соответствии с нашими исследованиями не менее 60% этих дополнительных доходов следует без особого риска направлять на развитие экономики, и не более 40% – на накопление резервов.

По нашим расчетам, вполне достаточно для преодоления последствий самых сильных кризисных явлений доведение объема Резервного фонда к концу 2015 г. максимум до 3,5 трлн руб. или до 4% к ВВП.

Ради ускорения модернизационно-инновационных процессов в стране представляется возможным пойти на такой внешне не вполне рациональный с финансовой точки зрения путь, как сохранение дефицита бюджета в 2013 г. на уровне порядка 2,3–2,5% к ВВП, 1,0–1,1% в 2014 г. и 0,8% в 2015 г. Это, как видно, значительно меньше, чем рекомендуется Маастрихтскими соглашениями, и намного меньше, чем в большинстве развитых стран. Намечаемое проектом бюджета снижение дефицита с 0,8% к ВВП в 2013 г. до 0,01% в 2015 г. (т.е. практически до полного преодоления дефицитности) представляется преждевременным и контрпродуктивным.

Риски от сохранения предлагаемого дефицита ничтожны по сравнению с рисками от сохранения примитивной структуры производства, обветшавшей инфраструктуры, технологического отставания, массовой бедности, жилищного голода и других проблем, на решение которых не хватает денег.

Принятие же наших предложений позволит увеличить расходы федерального бюджета как минимум на 900–1100 млрд руб. ежегодно.

Источником финансирования широкомасштабной модернизации национальной экономики может стать расширение механизма кредитной эмиссии под финансирование структурообразующих инвестиционных программ модернизации и отобранных отраслей национальной экономики и промышленности.

Эмиссия кредитных ресурсов может быть произведена через реальную индексацию вкладов населения в Сбербанке до 1991г., которые были обесценены последующим инфляционным взрывом. Было бы целесообразно эти индексированные средства ограничить в использовании тремя направлениями по выбору самих граждан:

- 1) пополнение пенсионного капитала;
- 2) формирование ипотечного капитала для финансирования социальной ипотеки (для граждан, нуждающихся в улучшении жилищных условий);
- 3) приобретение акций специального государственного инвестиционного фонда модернизации национальной экономики.

Следует также рассмотреть вопрос расширения возможностей кредитования проектов реиндустриализации путем передачи в управление Банка развития определенной части золотовалютных резервов государства, например, двух пятых. Это было бы рациональным решением: нынешний объем резервов, по нашему мнению, является чрезмерным, их размещение за рубежом приносит не слишком большие доходы (наибольший доход в 2008 г. – 4% по активам в долларах и 5,57% по активам в евро; наименьший в 2012 г. – 0,33% по долларам и 1,09% по евро).

Вместе с тем использование кредитной эмиссии для финансирования приоритетных инвестиционных проектов предполагает введение определенных ограничений на сложившиеся «финансовые вольности» с целью уменьшения рисков финансовой дестабилизации.

Это потребует, во-первых, существенного улучшения качества и всей деятельности по формированию инвестиционных проектов и, во-вторых, усиления прозрачности движения как общих денежных потоков, так и валютных средств.

Необходимо отказаться от тезиса, согласно которому только доведение инфляции до 3-4% будто бы обеспечит привлекательность инвестиций за

счет снижения ставки по кредитам, включая вложения в технологичные сектора. Однако при этом упускается, что за время такой «борьбы» будут потеряны объекты инвестирования, а потеря внутренних рынков будет «играть» в направлении увеличения инфляции.

Наращивание финансовых ресурсов для реиндустриализации может обеспечить и политика сокращения разрыва между вывозом и ввозом капитала, который ныне достигает 7-10 % ВВП (см. табл. 9).

Таблица 9

Вывоз капитала и ресурсы реиндустриализации, 2010 г., млрд руб

Превышение вывоза капитала над ввозом	4493
Инвестиции в закупки машин, оборудования, транспортных средств	3534
Инвестиции в основной капитал машиностроения	209
Затраты на технологические инновации	350
Финансирование науки из бюджета	237

Этой же задаче может способствовать и практика внешних заимствований, к которым прибегает государство, которое осуществляет такие заимствования на более приемлемых условиях, чем частный бизнес. В качестве кредиторов могут выступать как международные финансовые институты, так и государственные институты других государств, а также крупные, как правило, международные частные финансовые компании. Эти средства могут аккумулироваться не в бюджете, из которого финансируются текущие государственные расходы, а в специальных инвестиционных фондах, средства которых расходуются на кредитование через специальные институты развития (специализированные банки, финансовые компании). В Японии и Республики Корея государственное софинансирование таких проектов осуществлялось через государственный Банк развития.

Было бы, однако, иллюзией считать, что прямые иностранные инвестиции (ПИИ) могут стать решающим источником широкомасштабной модернизации российской экономики. Напомним, что в 2008 г. в Россию поступило 27,03 млрд долл. прямых иностранных инвестиций, что составило

меньше 10% от общего объема инвестиций в основной капитал. При этом в высокотехнологичный сектор российской промышленности поступило лишь 4,5% от общего объема поступивших ПИН, в то время как в добывающий сектор российской промышленности – 12%, и в оптовую и розничную торговлю – 23 процента.

И вообще, трудно себе представить, почему иностранные инвесторы должны наращивать инвестиционную активность в наименее привлекательные сектора национальной экономики, когда этого избегают отечественные предпринимательские структуры. Кроме того, приход ПИН в обрабатывающей сектор национальной промышленности, как правило, связан с импортозамещением, перспективы которого, скорее всего, будут ограничиваться после присоединения России к ВТО.

Высокая привлекательность России для иностранных инвесторов в обрабатывающем секторе промышленности, прежде всего в машиностроении, могла бы обеспечиваться за счет более низких внутренних цен на энергию, металл, пластмассы, которые формируют до 70% издержек в крупносерийном машиностроении (автомобилестроение, производство строительной и сельскохозяйственной техники). Однако в результате «свободного ценообразования» ценовые преимущества по металлам уже утрачены, а вывод на мировой уровень внутренних цен на газ и электроэнергию, скорее всего, «закроет» их окончательно. Решающим фактором привлечения корпоративных капиталов является инвестиционная активность самого государства. Особенно это касается зарубежных инвесторов. Они явно не будут доверять агитации инвестирования в российскую экономику, если само государство не инвестирует в нее.

Что касается использования возможностей международных финансовых организаций в целях реиндустриализации, то Россия, разумеется, должна активно участвовать в их деятельности. Однако не

должно быть иллюзий по поводу возможностей оказания реального влияния на содержание их деятельности. Разумеется, они, прежде всего, будут выражать интересы ведущих экономических держав, которые вряд ли заинтересованы в превращении России в один из самостоятельных центров экономической мощи.

Международные экономические институты должны использоваться Россией в качестве площадок для разъяснения собственного видения направлений трансформации мировой финансовой системы и условий международной торговли товарами и услугами, избегая принятия на себя обязательств, исполнение которых может затруднять развитие процессов модернизации российской экономики.

Особого внимания заслуживает формирование московского международного финансового центра. Мировая финансовая система такова, что будет периодически порождать кризисные явления. И чтобы новый финансовый центр был не проводником кризисных явлений в российскую экономику, а заслоном для них, нужно создать такие правила, которые поощряли бы активность действительных инвесторов, а не спекулянтов.

Политика реиндустриализации предполагает жесткое ограничение возможностей получения рентных сверхдоходов, в основе которых лежит сложившаяся в стране ценовая система, при которой поставщик навязывает цену потребителю, закладывая в нее и неэффективные издержки, включая коррупционные, и собственные представления о доходности бизнеса. При этом в «авангарде процесса» зачастую идут контролируемые государством естественные и «не совсем естественные» монополии, которые ориентированы на мировой уровень цен, а не на экономически обоснованные воспроизводственные затраты. В результате ТЭК и металлургия стимулируют рост издержек в производстве конечных переделов, снижая их экономическую эффективность и инвестиционную привлекательность.

Таким образом, активизация ценовой политики, направленная на обеспечение прозрачности ценообразования и ценовой контроль за естественными монополиями и товарами, формирующими издержки у производителей конечной продукции, становится важнейшим условием борьбы со злоупотреблением монопольным положением и инфляцией издержек.

Пока же регулирование ценообразования носит бессистемный характер и выливается только в периодические кампании по сдерживанию цен на отдельные товары (бензин, сталь, молоко, мука). При этом основными «действующими лицами» становятся прокуратура и антимонопольная служба.

Наконец, ценовая политика, стимулирующая реиндустриализацию, должна быть тесно увязана с политикой налогообложения. Россия в настоящее время обладает одной из самых низких номинальных ставок налогообложения прибыли по сравнению с другими европейскими странами, где она находится на уровне 40-45%. Однако реальная ставка налогообложения прибыли у них – 20-22%, то есть сопоставима с российской. Дело в том, что, в отличие от России, в этих странах действует эффективная система контроля за целевым использованием средств, направляемых на инвестиции и инновации из части прибыли, освобождаемой от налогообложения. В этой связи безальтернативный императив для нас – восстановление налоговых льгот для инвесторов, осуществляющих модернизацию. При этом следует решительно отвергнуть широко распространённый аргумент противников данной меры, что в России якобы в принципе невозможно преодолеть практику злоупотребления дифференцированными стимулами.

Внешнеэкономический потенциал модернизации

Мировой опыт показывает, что неперенным условием индустриальных рывков стал перелив в национальную экономику передовых иностранных технологий. Это осуществляется различными путями: с помощью обычных закупок зарубежного оборудования для новых (рождающихся) и существующих отраслей; выборочного импорта продукции и услуг, несущих в себе информацию о технологических новинках; имитации чужих технологий и дизайна по закупленным образцам (обратного конструирования); закупок неовещественных технологий (промышленных образцов, патентов, лицензий, ноу-хау). *Сюда же следует отнести перенос из других стран полного либо частичного производства достаточно сложных готовых изделий, создание силами транснациональных корпораций научных центров и конструкторских бюро в странах - реципиентах прямых иностранных инвестиций (ПИИ), а также обучение местных работников, занятых в филиалах ТНК.*

Опыт советского периода. В целях ускорения индустриализации в 20 - 30-е годы в импорте СССР последовательно увеличивался удельный вес машин и оборудования. В 1930 г. доля производственной техники в общем объеме импорта составила 46,8%. В этот период Советский Союз стал крупнейшим импортером продукции машиностроения. В 1931 г. на него приходилось 30% всего мирового импорта машин и оборудования (без автомобилей), в 1932 г. – уже около 50%. В 1938 г., когда костяк отечественной тяжелой промышленности во многом был сформирован, удельный вес машинотехнического импорта несколько снизился, но все равно остался достаточно высоким – 34,5%.

На основе ввезенного из-за рубежа оборудования в республиках бывшего СССР осуществлялось масштабное строительство новых

промышленных предприятий. В России, в частности, были созданы основы станкостроительной промышленности, в том числе первые заводы отрасли – «Фрезер», «Калибр», «Красный пролетарий» и другие. Импортным оборудованием оснащались крупные тракторостроительные предприятия в Сталинграде и Челябинске, первенцы автомобильной промышленности – Московский и Горьковский автозаводы. За счет импорта электрогенераторов и паросиловых установок удовлетворялось почти 90% потребностей в оборудовании строящихся электростанций. Из-за рубежа получали необходимое оборудование возводившиеся в тот период металлургические предприятия, включая Магнитогорский, Кузнецкий и Челябинский комбинаты.

В современных условиях особая роль импорта в возрождении российской обрабатывающей промышленности предопределяется тем, что в силу деградации отечественного машиностроения многие виды машин и оборудования не производятся в России или отличаются низким качеством и пользуются слабым спросом. По расчетам специалистов Института народнохозяйственного прогнозирования РАН, обновление основных фондов в российской экономике может быть обеспечено отечественным производством лишь на 44%^[20].

Между тем возможности современного российского импорта очень слабо используются для перестройки отечественной экономики. Он чрезмерно ориентирован на удовлетворение текущих потребительских нужд. Так, в 2011 г. доля потребительских товаров в импорте, по данным Росстата, составляла 36,7%, а инвестиционных – только 21,3%. Потребительский характер российского импорта особенно четко прослеживается при его сравнении с импортом других стран, решающих сходные с российскими проблемы развития. К примеру, в импорте Бразилии, Мексики, Индии, Китая доля потребительских товаров, как правило, заметно ниже, а

инвестиционных – выше. По данным UN Comtrade (2007 г.), на потребительские товары, включая продовольствие и напитки, приходилось 5,6% импорта Китая, 10,6 – Бразилии, 5,2 – Индии, 11,3% – Мексики. Доля машин и оборудования производственного назначения составляла в их импорте соответственно 43,8, 26,6, 19,1 и 31,8%^[21].

Словом, российский импорт пока не стал, как это имеет место во многих странах догоняющего развития, действенным инструментом ускорения научно-технического прогресса, модернизации производственного и технологического потенциала страны. Чтобы сделать его таковым, долю машин и оборудования инвестиционного назначения в нем необходимо, очевидно, увеличить в 1,5 – 2 раза. Именно эта цель должна, на наш взгляд, стать главной в стратегии оптимизации импорта России.

О недостаточном использовании возможностей импорта свидетельствует и незначительный объем закупаемых Россией зарубежных неовещественных технологий (в виде промышленных образцов, патентов, лицензий, ноу-хау и т.п.). В 2011 г. страна потратила на эти цели около 1,9 млрд долл. (0,5% всего российского импорта товаров и услуг)^[22]. Для сравнения, США, лидирующие в технологическом развитии, в том же году закупили иностранных технологий на 34,8 млрд долл., Япония – 19,2, Сингапур – 19,4, Швейцария – 16, Китай – на 15 млрд долл.

Впрочем, небольшой объем – не единственная слабость российского импорта технологий, тем более что в последние годы он быстро рос. Его более серьезная проблема – *неблагоприятная* структура закупаемых технологий. Преобладающее место среди них занимают инжиниринговые услуги (37%) и товарные знаки (22%), то есть те позиции, которые входят в группу «зрелых» технологий с относительно низкой прибыльностью. В то же время доля закупок патентов, лицензий, ноу-хау, связанных обычно с освоением новых процессов и видов продукции, составила всего 9%.

В настоящее время российские предприниматели для повышения технологического уровня своих производств предпочитают закупать иностранные технологии в овеществленном виде, в форме машин и оборудования. Это позволяет, получая не самые современные технологии, которые еще и устаревают за период исполнения контракта, упростить и ускорить обновление производства. Между тем, как показывает мировой опыт, в отдельных случаях импорт лицензий и ноу-хау оказывается гораздо более выгодным. Лицензионные соглашения, помимо экономии валютных средств, позволяют, как правило, получать от продавца ценные ноу-хау и содействие в совершенствовании лицензионной продукции, а иногда и в ее реализации на зарубежных рынках. Кроме того, подобное соглашение может стать исходной базой для новых отечественных разработок. По оценке экспертов, в середине прошлого десятилетия на базе лицензионных соглашений производилось свыше половины выпускаемой в мире продукции машиностроения^[23]. Стоит напомнить также, что именно за счет лицензий и ноу-хау Япония, Южная Корея, Сингапур и другие страны ЮВА преодолели технико-экономическое отставание от развитых стран. Значит, и в нашей стране одним из важных направлений совершенствования импорта должно стать стимулирование притока передовых технологий преимущественно в неовещественной форме.

Сравнительно малые объемы ввоза технологий в Россию (в чистом и овеществленном виде) – следствие прежде всего их низкой востребованности большинством российских предприятий, которые в условиях слабой конкуренции на внутреннем рынке не испытывают органичной потребности в систематическом обновлении выпускаемой продукции и используемого оборудования. Недостаточно благоприятный инвестиционный климат, а также отсутствие в стране эффективных стимулов для инновационного развития также отрицательно сказываются на объемах ввоза в страну

зарубежных технологий как в овеществленном, так и в неовеществленном виде.

Недостаточно активно чистые технологии используются в России и потому, что отсутствуют опыт и соответствующие структуры, которые могли бы обеспечить доведение идеи, сформулированной в лицензии, до готового продукта в виде материала, оборудования или процесса. В этих условиях важной задачей должно стать достраивание и совершенствование национальной инновационной системы. В первую очередь речь идет о возрождении отраслевых институтов, конструкторских бюро, опытных предприятий, которые особенно сильно пострадали *во время системной трансформации*. В функции последних, как известно, входили не только научные изыскания и разработки, но и изучение передовых образцов иностранной техники, что позволяло «держать руку на пульсе» мирового НТП.

Как бы то ни было, такие способы ввоза технологий в Россию, как прямые закупки инвестиционного оборудования, лицензий, ноу-хау, а также более сложные формы взаимодействия, включая строительство заводов «под ключ», кооперацию с зарубежными фирмами при изготовлении продукции, совместное проведение НИОКР и создание совместных предприятий – должны систематически поддерживаться государством.

Особое место в ряду мер, реализация которых может привести к улучшению инвестиционного климата, должно занять восстановление налоговой инвестиционной льготы. Целесообразно было бы также осуществить меры, направленные на максимально возможное облегчение импорта непроектируемого в стране промышленного оборудования. В частности, можно было бы временно (на 5-7 лет) снизить ставки ввозных пошлин на такое оборудование до нулевых значений даже в тех случаях, когда это не предусмотрено обязательствами России перед ВТО. Подобное

снижение уже практиковалось в предкризисный период. Однако манипулировать пошлинами самостоятельно Россия как член Таможенного союза теперь неправомочна: это прерогатива Евразийской экономической комиссии.

Для овладения современными технологиями не следовало бы, на наш взгляд, чураться использования и таких средств, как «промышленная разведка». Она применялась и применяется в настоящее время как государствами, так и отдельными корпорациями, хотя официальных упоминаний об этом нет. Использование полученных этим путем разработок или образцов изделий позволяет в короткие сроки ликвидировать намечающееся технологическое отставание в той или иной области.

Исключительно важно, чтобы политика стимулирования импорта инвестиционного оборудования и технологий стала частью общей научно-технической и промышленной политики страны. В рамках данной политики, на основе имеющихся у отечественных разработчиков заделов и общих перспектив НТП в мире, должны быть определены, с одной стороны, приоритетные для разработок собственными силами технологии и виды оборудования, а с другой – технологии и оборудование, ввоз которых в страну должен стимулироваться специальными мерами. Разумеется, такую политику следует разрабатывать совместно с непосредственными пользователями и создателями отечественной техники, причем таким образом, чтобы не пострадали ни отечественный сектор исследований и разработок, ни отечественная промышленность, ни технологическая безопасность страны в целом.

Ключевые условия успеха реиндустриализации

Об успешности модернизации российской экономики на новой технологической основе следует прежде всего судить по таким показателям, как доля инновационно-активных предприятий в ее составе и объемы выпускаемой инновационной продукции. Именно на их рост и направлена Стратегия инновационного развития России на период до 2020 г.^[24] Исходя из опыта КНР, Республики Корея и Японии, в Стратегии выбран сценарий догоняющего развития с элементами лидерства в отдельных сегментах экономики, в которых имеются или могут быть созданы конкурентные преимущества. Согласно целевым показателям этого документа, доля промышленных предприятий, осуществляющих инновации, должна к 2020 г. по сравнению с 2010 г. увеличиться 4 - 5 раз, доля инновационной продукции в общем объеме промышленной продукции - в 5 - 7 раз, доля российских высокотехнологичных товаров в общем объеме их мирового экспорта - в 8 раз.

Здесь уместно заметить, что в том же направлении намечались планы и в прошедшем десятилетии. Еще в 2000 г., выполняя распоряжение Правительства РФ,^[25] Минэкономразвития и торговли России подготовило Проект Основных направлений социально-экономического развития Российской Федерации на долгосрочную перспективу, охватывающий период до 2010 г. Второй раздел этого документа был посвящен модернизации экономики, где инновационный вариант экономического развития (перейти к которому предполагалось в 2007 - 2010 гг.) был определен в качестве безальтернативного. И хотя в силу целого ряда причин проект так и не был принят, но все последующие трехлетние сценарии-прогнозы, принимавшиеся в указанный период, ставили те же задачи. Кроме того, в 2005 г. были приняты Основные направления политики Российской

Федерации в области развития инновационной системы на период до 2010 года,^[26] а в 2006 г. – Стратегия развития науки и инноваций в Российской Федерации до 2015 года^[27].

В ходе реализации этих документов проводились мероприятия по совершенствованию правового режима инновационной деятельности, вводились соответствующие налоговые льготы, совершенствовалось таможенное регулирование экспорта-импорта инновационной продукции. Были созданы основные элементы системы институтов развития в сфере инноваций, в том числе Фонд содействия развитию малых форм предприятий в научно-технической сфере, венчурные фонды (с государственным участием через открытое акционерное общество «Российская венчурная компания»), федеральное государственное автономное учреждение «Российский фонд технологического развития», государственная корпорация «Банк развития и внешнеэкономической деятельности (Внешэкономбанк)», открытое акционерное общество РОСНАНО.

Началось формирование национальных исследовательских центров (первый – «Российский научный центр "Курчатовский институт"»). Стали создаваться технико-внедренческие особые экономические зоны, на территории которых предусматриваются значительные льготы инновационным компаниям, а также наукограды, технопарки, бизнес-инкубаторы, центры трансфера технологий и федеральные центры коллективного пользования научным оборудованием. На конкурсной основе осуществлялась поддержка создания и развития инновационных кластеров. Получило развитие финансовая база инновационной деятельности, в том числе в 1,6 раза за 2006 - 2008 гг. было увеличено финансирование за счет средств государства фундаментальной науки и прикладных разработок, реализована финансовая поддержка инновационных программ 57 вузов (в 2005 - 2008 гг. на эти цели было выделено 30 млрд руб.). На конкурсной

основе 29 университетам были выделены средства на реализацию программ развития, включая создание инновационной инфраструктуры и развитие исследовательской деятельности (в 2009-2010 гг. на все программы развития выделено 8,42 млрд руб.). Тем не менее, эти и другие усилия не дали сколь-нибудь заметных результатов (рис. 2).

Динамика инновационной активности промышленности

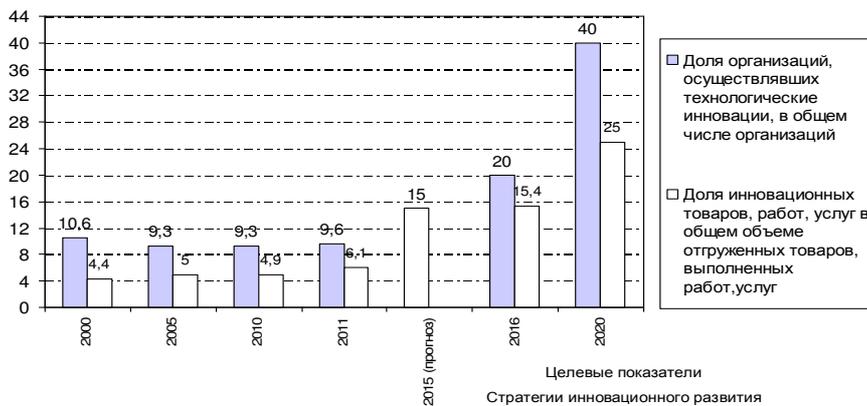

Рис. 2

Соответственно, возникает вопрос: насколько реален намечаемый в Стратегии инновационного развития резкий скачок инновационных показателей? Чтобы ответить на него, необходимо выявить причины, по которым предпринимаемые на протяжении десятилетия меры не дали результата.

Уже отмечалось, что активная инновационно-инвестиционная позиция государства служит обязательным условием современной эффективной промышленной политики. Вместе с тем это *обязательное, но не достаточное условие*. Важно ясно представлять себе пределы возможностей государства в модернизации экономики. И собственный, и зарубежный опыт показывают: государство, концентрируя ресурсы под своим контролем на ограниченном числе направлений, способно обеспечить точечные

инновационные прорывы, в том числе в особо значимых областях (космической, атомной, авиа- и ракетостроении и т.п.)^[28].

Однако инновационный экономический рост обеспечивают не передовые позиции в отдельных, пусть даже важных и крупных производствах и комплексах, а состояние экономики в целом. В таком случае она должна развиваться преимущественно за счет широкого использования технических, технологических, организационно-управленческих и иных нововведений, опираться на новейшее научное знание в соответствующих областях, в том числе путем использования результатов, получаемых в сферах, развиваемых при непосредственном государственном участии. Обеспечить такое развитие само государство не в состоянии в силу объективных ограничений централизованного воздействия на субъекты хозяйствования.

Такая модернизация возможна лишь при условии заинтересованности в ней критической массы предпринимателей, предъявляющих массовый спрос на технологические инновации. Не случайно в приведенном определении Росстата инновационная деятельность связывается не просто с трансформацией научных исследований и разработок либо иных научно-технических достижений в технологически новые или усовершенствованные продукты или услуги, но и требует, чтобы последние были внедрены на рынке или использовались в практической деятельности. Исходя из этого, то или иное техническое «чудо», демонстрируемое на каком-либо форуме высоких технологий, безусловно, относится к научно-технологическим достижениям. Однако инновацией это достижение станет лишь тогда, когда на него будет предъявлен покупательский спрос, то есть когда оно превратится в товар либо начнет использоваться при производстве товаров.

Конечно, государство тоже выступает в качестве покупателя инноваций. Но государственный спрос на инновации ограничен достаточно узким

сегментом, связанным с отправлением государственных функций. Поэтому ожидать, что государственный спрос обеспечит модернизацию экономики в целом, бессмысленно. Он может лишь задать начальный импульс для такой модернизации. Если же этот спрос не будет сопровождаться массовой инвестиционно-инновационной активностью предпринимательского слоя, то усилия государства в данном направлении либо дадут крайне ограниченные результаты для национальной экономики, либо будут использованы зарубежными конкурентами.

К сожалению, экономическая практика свидетельствует об отсутствии у российского предпринимательства такого «инновационного интереса». При сопоставимом с любой страной-лидером объема (в % к ВВП) внутренних затрат на исследования и разработки, с которых и начинается создание инноваций со стороны государства, затраты российских предпринимателей на эти же цели в разы меньше, тогда как в развитых экономиках ситуация противоположная (табл. 12).

Таблица 12

Внутренние затраты на исследования и разработки, % ВВП

	Всего в 2010 г.	По секторам*			
		Государственный	Предпринимательский	Прочие	
				Национальные	Иностранные
Россия	1,16	0,81	0,29	0,06	0,04
Япония	3,26	0,56	2,47	0,02	0,01
США	2,9 (2009 г.)	0,9	1,78	0,2	-
Германия	2,47	0,73	1,63	-	0,14
Франция	2,15	0,7	1,3	0,4	0,1
Великобритания	1,76	0,56	0,79	0,11	0,28
Китай	1,77	0,42	1,26	-	0,02
Бразилия	1,19	0,62	0,54	0,02	-
Индия	0,8 (2004 г.)	0,6	0,2	0,0	

* В 2010 г. или за последний год, за который имеются данные.

В Стратегии инновационного развития отмечается, что «рост бюджетного финансирования, направляемого на поддержку исследований и

разработок, не привел к должному росту инновационной активности предприятий. С 2005 по 2009 г. доля средств российского предпринимательского сектора во внутренних затратах на исследования и разработки уменьшилась с 30 до 26,6% при увеличении доли средств государства с 61,9 до 66,5%. В США в 2008 г. доля бюджетных расходов во внутренних затратах на исследования и разработки составила 21,5% против 78,5% доли «предпринимательского сектора». Ни частный, ни государственный сектор российской экономики, подчеркивается в Стратегии, не проявляют достаточной заинтересованности во внедрении инноваций.

Чтобы понять причину «антиинновационного» поведения российских предпринимателей, следует вспомнить, что заставляет предпринимателя модернизировать свое дело. Экономической науке ответ давно известен - конкуренция^[29]. Инновации – один из важнейших инструментов конкурентной борьбы. Однако – очень дорогой. Известны пределы применения предпринимателем новой техники и технологии: издержки на их применение должны быть ниже издержек на труд. Если же рабочая сила отличается дешевизной, то экономически нецелесообразны затраты на технологическое обновление сложившегося производства^[30].

Экономика сегодняшней России характеризуется широким распространением бедности (табл. 13).

Таблица 13

Показатели бедности

Годы	1992	1998	2000	2010	2011
Доля населения с доходами ниже прожиточного минимума, %	33,5	23,4	29,0	12,5	12,7
Величина прожиточного минимума, % к среднедушевым денежным доходам	47,2	48,8	53,0	30,7	30,8
Доля населения с доходом менее 1/2 среднедушевых денежных доходов	26,5	~32	~29	~29	~29

Примечание: среднедушевой доход в 2011 г. составлял 20 702,7 руб./мес.

Хотя, как следует из таблицы, к 2011 г. доля населения с доходами ниже прожиточного минимума по сравнению с 1992 г. снизилась более чем в два с половиной раза, сам прожиточный минимум по отношению к среднему душевому доходу сократился с половины до 30%. Соответственно, если в 1992–2000 гг. те, кто получал менее половины среднего душевого дохода, относились к бедным, то ныне к ним относятся те, кто получает менее 30% среднего душевого дохода. Если же взять долю тех, кто получает меньше половины среднего душевого дохода, то она с 2000 г. не изменилась и составляет почти 30% населения страны. Более 70% малоимущих в 2011 г. были заняты в экономике. Пенсионеров же среди них было около 10%. При этом наиболее дешевая рабочая сила занята в отраслях, которые по определению служат источником модернизации экономики (табл. 14).

Таблица 14

Среднемесячная начисленная номинальная заработная плата по видам экономической деятельности, % к средней по РФ

ГОДЫ	1995	2000	2005	2011
Среднемесячная заработная плата, руб.	472,4	2223,4	8554,9	23 369,2
Виды экономической деятельности:				
Добыча топливно-энергетических ресурсов	В 2,6 раза	В 3,1 раза	В 2,7 раза	220,8
Финансовая деятельность	В 1,5 раза	В 2,3 раза	В 2,6 раза	238,7
Производство машин и оборудования	80,3	88,8	97,9	97,5
Производство электрооборудования, электронного и оптического оборудования	76,0	90,1	96,1	100,0

Пока сохраняется такая ситуация, трудно ожидать предпринимательского интереса к инновационному поведению.

Вместе с тем *преодоление дешевизны рабочей силы - обязательное, но не достаточное условие инновационной активности предпринимателей.*

Дело еще и в том, что инновации - очень рискованный инструмент конкурентной борьбы, что также давно известно экономической науке^[31]. Об этом же говорят и современные предприниматели^[32]. Поэтому не случайно

развитие инновационного предпринимательства потребовало широкого распространения производных финансовых инструментов (деривативов), страхующих (маскирующих) инвестиционные риски: очевидно, инвестор вряд ли будет «напрямую» вкладывать собственные средства в инновации при широко известной статистике их осуществимости^[33].

Если же предприниматель имеет в своем распоряжении иные (более дешевые и надежные) инструменты конкуренции, то предпочтение будет отдано им.

Широко известно, что в современной России важнейшим условием успешного предпринимательства служит тесное взаимодействие с властными структурами. Речь идет не о партнерских отношениях государства и бизнеса, а о возможностях представителей властных структур диктовать свою волю. При этом неважно, чем руководствуется чиновник: собственным представлением об «общественной пользе» (приватизация права выражать общественный интерес) или корыстью. Важно лишь то, что существует институт (как правило, не формализованный), позволяющий действовать подобным образом^[34]. Такова специфическая российская форма проявления огосударствления отношений присвоения. Без преодоления этого достаточно устойчивого феномена невозможна и эффективная политика модернизации.

Таким образом, модернизация экономики требует не столько развития конкуренции вообще (она у нас идет достаточно жестко), сколько создания условий, когда в качестве главного инструмента конкурентной борьбы российские предприниматели будут *вынуждены* использовать технологическую (в широком смысле) модернизацию своего дела.

Ликвидация монополизма в целях развития конкуренции также, безусловно, *необходима, но не достаточна*. До тех пор, пока деятельность по перераспределению прав собственности будет гораздо «интереснее», чем по ее развитию, будут безуспешными и борьба с «рейдерством», и призывы к

«инновационному поведению». В этих условиях компенсационные меры (кредитно-инвестиционно-налоговые льготы или механизмы государственно-частного софинансирования) не послужат достаточно значимым фактором, снижающим риски инновационной деятельности. Более результативны не столько компенсационные меры, сколько институты, делающие использование иных (неинновационных) инструментов конкуренции существенно более рискованным.

Нынешнее огосударствление российской экономической жизни определяется низким уровнем легитимности сложившихся отношений собственности на средства и результаты производства, что предопределено механизмами приватизации госсобственности 90-х годов. Тогда под лозунгом разгосударствления осуществили крайне примитивное обновление отношений собственности, за которым не стояло ни научных идей, ни анализа мирового опыта. Результатом стало появление «неэффективного» (в народнохозяйственном смысле) собственника^[35]. По сути, было воспроизведено историческое наследие России, о котором в начале XX века писал В. В. Розанов: «В России вся собственность выросла из «выпросил», или «подарил», или кого-нибудь «обобрал». *Труда* собственности очень мало. И от этого она не крепка и не уважается»^[36].

В результате любые действия государства (его представителей), направленные на ограничение «предпринимательских свобод», даже если они противоречат действующему законодательству по защите прав собственников, получают поддержку в массовом сознании, особенно если такие действия совершаются под идеологическим прикрытием защиты интересов «простых людей». Отсюда глубокое расхождение между правом и правоприменительной практикой в экономической жизни российского общества. Сама по себе *приватизация не тождественна разгосударствлению.*

Единственным надежным механизмом реального разгосударствления экономики, как показывает исторический опыт, есть постоянная активная деятельность институтов гражданского общества. Именно эти институты способны ограничивать объективно обусловленные эгоистические интересы предпринимателей, с одной стороны, и постоянное стремление государства к избыточному присутствию в экономике – с другой. В экономике, которую принято называть социально ориентированной, эти институты образуют важнейшую органическую часть механизма регулирования экономической жизни общества. Поэтому неудивительно то внимание, которое уделяется развитию этих институтов в странах, преодолевающих негативные последствия «социалистической» организации общественного производства.

Проблематика формирования гражданского общества в России выходит за пределы данного доклада. Здесь можно лишь отметить, что институты гражданского общества возникают как результат изменений в мышлении и поведении его субъектов – людей. Поэтому нельзя отождествлять политику формирования институциональной системы гражданского общества с системой государственных мероприятий, направленных на создание различного рода негосударственных (общественных) структур. Такого рода «политика» может лишь привести к возникновению квазигражданских отношений. Скорее задача государства здесь должна заключаться в создании той социально-экономической и политической «атмосферы», при которой устраняются препоны (административные, экономические, социальные и т.д.) для реализации общественной активности граждан, создания ими материальной (экономической) базы для такой активности.

Задача государства – канализация социально-экономической активности в направлениях, адекватных задачам реформирования.

Заключение

Масштабная реиндустриализация российской экономики потребует существенного изменения сложившейся структуры использования ВВП на потребление и накопление. Россия в силу численности населения и масштабов экономики не может иметь такую же абсолютную величину накопления капитала, как более крупные страны. Но для того, чтобы соответствовать развитым странам по капиталовооруженности труда, технологическому уровню производства и уровню жизни, она должна иметь примерно равную с ними величину накопленного капитала в расчете на одного жителя страны. Это значит, что она должна выравниваться с развитыми странами по норме накопления, по величине накопления на одного жителя и величине накопленного капитала на одного жителя. Ныне же, согласно экспериментальным расчетам специалистов Института экономики РАН на базе исходных данных Всемирного банка, страны «семерки» опережают Россию по величине накопленного воспроизводимого капитала в расчете на душу населения в 1,75 раза. Преодоление этого разрыва одномоментно потребовало бы существенного уменьшения доли конечного потребления и его абсолютной величины, что нереально. Поэтому модернизация экономики явно должна быть поэтапной. Вначале нужно сравняться с развитыми странами по доле накопления в ВВП и превзойти их по этому показателю. Повышение нормы накопления позволит перейти ко второму этапу – выравниванию размеров накопления в расчете на одного жителя. При этом с учетом увеличения масштабов производства не потребуется такая высокая норма накопления. Лишь после этого станет возможной постановка задачи достижения сравнимого с развитыми странами уровня накопленного национального богатства в расчете на душу населения.

В этой связи необходимо выявить, какие пропорции должны быть между конечным потреблением, накоплением и темпами их роста, имея в виду более быстрое накопление капитала при обеспечении роста реальных доходов. Определение темпов роста конечного потребления требует политического решения. Однако для его принятия полезно иметь представление о масштабах изменений сложившихся пропорций использования ВВП, необходимых для увеличения средств, расходуемых на накопление. Расчеты показывают, что реально возможно значительное увеличение накопления при одновременном существенном росте потребления.

Решение задачи по повышению нормы накопления позволит перейти к следующему этапу – достижению уровня развитых стран по величине накопления на одного жителя страны. После этого потребуются время для ликвидации отставания по величине накопленного капитала в расчете на одного жителя.

Другой важный аспект реиндустриализации - сложившаяся региональная дифференциация страны. Расчеты, осуществленные в Центре исследований федеративных отношений Института экономики РАН,^[37] позволяют предположить, что различия «социально-инновационного» потенциала субъектов Федерации имеют качественный характер. Не исключено, например, что экономики различных регионов принадлежат к экономикам различных типов. Но если это так, то ряд регионов объективно не способен подключиться к инновационной модернизации: ориентированные на инновационное развитие капитал и необходимые для этого кадры исключают эти регионы из сферы своих интересов. Отсюда неизбежно следует вывод о контрпродуктивности идеи реализации единой для субъектов Федерации общегосударственной политики реиндустриализации. Будучи общей по направленности на укрепление единства экономического и правового пространства, данная политика не может быть одинаковой для всех регионов.

Приведенные положения носят характер научных гипотез, и их подтверждение или опровержение требует дополнительных исследований. Однако не учитывать их при формировании политики реиндустриализации было бы нерационально.

Итак, анализ проблем реиндустриализации российской экономики позволяет сделать вывод, что, несмотря на уменьшившийся экономический потенциал, Россия пока еще располагает достаточными возможностями для того, чтобы своевременно развернуть производства нового технологического уклада. Даже при длительной стагнации мировой экономики страна имеет необходимые ресурсы не только для самостоятельного выживания, но и для опережающего развития. Реализация изложенных мер создаст необходимые предпосылки промышленного прорыва и обеспечит выход на траекторию устойчивого экономического роста с темпом среднегодового прироста ВВП не менее 6% в год.

^[1] «Нельзя не сознаться, что Россия слишком велика и могущественна, чтобы быть только одною из великих европейских держав...» (*Данилевский Н. Я.* Россия и Европа: взгляд на культурные и политические отношения Славянского мира к Германно-Романскому. 6-е изд. Спб.: Издательство С.-Петербургского университета. Издательство «Глагол», 1995. С. 339).

^[2] «Россия может либо возродиться как великая держава (великая по своему политическому влиянию в мире, по уровню экономического развития, материального достатка и духовности, по гордости, вызываемой как у своих сограждан, так и у остальных народов), либо перестать быть Россией» (*Абалкин Л.И.* Поиск пути в меняющемся мире // Избр. труды: в 4-х тт. Т. IV. М.: ОАО «НПО «Экономика», 2000. С. 220).

«Россия должна быть мировой державой..., а не лидером «своего» блока» (*Попов Г.Х.* Будет ли у России второе тысячелетие». М.: Экономика. 1998. С. 253. См. также: *Попов Г.* О цивилизации XXI века // Вопросы экономики. 2013, № 2. С. 105).

См. также: *Рогов С. М.* Россия – XXI век (материалы Всероссийской научной конференции) // Экономист. 1998. № 1. С.10; Россия XXI век // Экономист. 2000. № 1. С. 9).

^[3] Проект Основных направлений социально-экономического развития Российской Федерации на долгосрочную перспективу. М.: МЭРТ, 2000.

^[4] Утверждена Распоряжением Правительства Российской Федерации от 17 ноября 2008 г. № 1662-р.

[5] См.: Научная сессия Общего собрания РАН «Научно-технологический прогноз – важнейший элемент стратегии развития России // Вестник РАН. Т. 79, № 3, март 2009.

[6] Именно такое понимание лежит в основе определения инновационной деятельности, используемого Росстатом в целях статистического учета: «Инновационная деятельность - вид деятельности, связанный с трансформацией идей (*обычно результатов научных исследований и разработок, либо иных научно-технических достижений* в технологически новые или усовершенствованные продукты или услуги *внедренные на рынке*, в новые или усовершенствованные технологические процессы или способы производства (передачи) услуг, *использованные в практической деятельности* (Россия в цифрах.2011. Кр. стат. сб. М.: Росстат, 2011. С. 400. Курсив наш - Авт.)

[7] «... нет смысла реиндустриализировать экономику, которая построена не на промышленности, а на производстве и распространении информации(ИКТ)....., потеряв связь с настоящим - мы обречены на провал в будущем» (*Нейсбит Д.* Мегатренды. М.: АСТ, ЗАО НПП «Ермак», 2003. С. 25).

[8] На необходимость активной государственной промышленной политики как условия успешного развития указывают такие разные по своим экономическим взглядам политики, как лауреат Нобелевской премии Дж. Стиглиц, отмечающий, что «США проводят очень сильную промышленную политику, направляя до 25% общего объема кредитов на развитие американских предприятий. Промышленная политика в случаях, когда она хорошо продумана и разработана, служит важнейшим стратегическим инструментом управления экономикой, позволяющим обеспечить решение задачи достижения экономического роста с учетом фактора социальной справедливости» (из выступления на семинаре «Новые пути развития» 12-13 сентября 2002 г., Рио-де Жанейро, Бразилия) и Дж. Сакс, считающий активную промышленную политику одним из основных факторов экономических успехов США. (*Сакс Дж.* Стоит ли хвалить Клинтона за процветание Америки // Независимая газета. 18.08.00. С. 6).

В Послании Президента США «О положении в стране» (12.02.2013г.) поставлена задача возродить американскую обрабатывающую промышленность (manufacturing) и вернуть в страну рабочие места с тем, чтобы продолжить производить товары, которые покупает весь остальной мир. Было отмечено, что за последние 3 года в обрабатывающей промышленности создано дополнительно 500 000 рабочих мест. С момента окончания рецессии темпы роста отрасли были самыми высокими за последнее десятилетие. Президент предложил Конгрессу поддержать его инициативу о единовременных инвестициях в размере 1млрд долл. на создание в стране сети из 15 институтов инноваций для обрабатывающей промышленности. В целях ускорения прогресса в этом направлении он выразил намерение использовать ресурсы исполнительной власти и создать три новых института, которые в партнерстве с бизнесом, университетами колледжами и правительством, будут создавать и развивать производственные технологии, которые помогут находящимся на территории США предприятиям создавать привлекательные рабочие места. Одновременно он выразил намерение закрыть налоговые лазейки, позволяющие выводить рабочие места за пределы страны. Для поддержки национальных производителей и стимулирования инвестиций на территории США в Послании предложено снизить ставку налога на прибыль в обрабатывающей промышленности и расширить сферу применения налогового кредита на проведение научных исследований и разработок, сделав эту льготу постоянно действующей. Выдвинута программа «Выбирай США» (Select USA), направленная на привлечение зарубежных инвестиций, повышение глобальной конкурентоспособности США и создание новых рабочих мест. В области внешней торговли намечено ряд новых мер по содействию продвижению американской продукции на зарубежные рынки, в особенности рынки Азии и Европы.

^[9] Утверждена распоряжением Правительства РФ от 27 декабря 2012 г. №2539-р.

^[10] См.: Добрецов Н.Л., Конторович А.Э., Кулешов В.В. Стратегические точки роста и проблемы государственной значимости в Сибири // Вестник РАН. Т.71 № 10, 2001.

^[11] Выступая на совещании о реализации государственной политики в области развития ОПК на период до 2020 года и дальнейшую перспективу (20.02.12.) В. Путин подчеркнул: «.....20 трлн предусмотрели на гособоронзаказ до 2020 года, а как его выполнять, если мы хотим получить новейшие образцы вооружения на старом оборудовании?! Значит, начинать-то надо, прежде всего, с самого оборонно-промышленного комплекса: нужны новые станки, новые технологические линии».

^[12] «Следуя этому сценарию, - отмечал В. Путин в выступлении на расширенном заседании Государственного совета «О стратегии развития России до 2020 года» (08.02.2008.), - мы...не сможем обеспечить ни безопасность страны, ни её нормального развития, подвергнем угрозе само её существование, говорю это без всякого преувеличения».

^[13] См.: Научная сессия Общего собрания РАН «Научно-технологический прогноз – важнейший элемент стратегии развития России // Вестник РАН. Т. 79, № 3, март 2009.

^[14] Это, конечно, не означает отказа от использования в этой области возможностей импорта, о чем будет сказано ниже. Речь идет о преодолении сознания «безнадежной отсталости» и выстраивании грамотной внешнеэкономической политики, учитывающей все аспекты этой проблемы.

^[15] Это, конечно, не означает необходимость калькирования этого опыта в современных условиях, а лишь говорит о принципиальной разрешимости задачи.

^[16] Об этом, в т.ч., свидетельствуют приводимые в СМИ сведения об отказах в импорте систем ЧПУ для пяти координатной обработки деталей, включения странами ЕС, США, Японией в контракты о поставках в Россию в качестве обязательного условия лицензирования экспорта технологий двойного назначения, в котором оговаривается запрет на несанкционированное использование и перемещение наукоемкого механообрабатывающего оборудования (напр., требование оснащения оборудования датчиками контроля местоположения с помощью GPS или обязательное подключение оборудования к сети Интернет). Отсюда понятно, почему С. Иванов, будучи в статусе первого заместителя Председателя Правительства, на совещании по проблеме отечественного станкостроения (г. Иваново, июль 2007 г.) отмечал, что «обеспечение отрасли машиностроения России отечественными станками наиболее наукоемких категорий – вопрос национальной безопасности».

^[17] При этом необходимо иметь в виду, что согласно опубликованным экспертным оценкам в настоящее время российские станкостроительные заводы выпускают оборудование, примерно на 70% состоящее из импортных узлов и деталей.

^[18] Типичную для этой категории предприятий ситуацию специалист отдела кадров описывает следующим образом: «На предприятии работают преимущественно опытные специалисты предпенсионного возраста и молодежь. Из-за хаоса 90-х годов мало квалифицированных работников среднего возраста, которые должны будут заменить ветеранов в ближайшие годы» (из интервью в рамках обследования социально-трудовых отношений на промышленных предприятиях).

^[19] См. Стенограмму заседания экспертной группы № 7 02.04.2011// <http://2020strategy.ru/>

^[20] Инновационно-технологическое развитие экономики России. Под ред. акад. В. В. Ивантера. М.: Макс Пресс. 2006. С. 200.

^[21] Начиная с 2009 г., UN Comtrade подобные данные больше не публикует.

Справочно. Данные Росстата и международной статистики сопоставлять сложно, поскольку группировка товаров в отечественной и мировой статистике заметно

различается. По нашим расчетам на базе данных ЮНКТАД, в 2011 г. удельный вес машин и оборудования (исключая автомобильную технику) в импорте России составил 27,1%, Китая – 31,4, Бразилии – 26,8, Индии – 16, Мексики – 36,9%. Если же из группы машин и оборудования исключить еще офисное и телекоммуникационное оборудование, то по странам доли машин и оборудования будут соответственно следующими: Россия – 20,8, Китай – 25,2, Бразилия – 20, Индия – 11,9, Мексика – 24%. Что касается потребительских товаров, то подсчитать их долю по данным международной статистики весьма затруднительно.

^[22] ВТО оценивает наш импорт технологий иначе (6,1 млрд. долл. в 2011г.), но не приводит его структуру. См. International Trade Statistics 2012. WTO. P. 178 – www.wto.org.

^[23] Проблемы эффективной интеграции научно-технологического потенциала России в мировое хозяйство. М.: Издательство ЛКИ, 2008. С. 35

^[24] Утверждена распоряжением Правительства РФ от 08.12.11 г. № 2227-р.

^[25] См.: Распоряжение Правительства Российской Федерации от 01.12.1999 г. № 2021-р.

^[26] Утверждены Председателем Правительства РФ 5 августа 2005 г. № 2473п-П7.

^[27] Утверждена Межведомственной комиссией по научно-инновационной политике (протокол от 15 февраля 2006 г. № 1). Министерство образования и науки Российской Федерации.

^[28] Следует еще раз подчеркнуть, что для конкретно сложившихся условий в России государство в ряде случаев должно выступить инициатором масштабных инвестиционных проектов и в тех сферах, которые непосредственно не связаны с отправлением государственных функций.

^[29] «...Капиталист, применяющий улучшенный способ производства, присваивает в виде прибавочного труда большую часть рабочего дня, чем остальные капиталисты той же самой отрасли производства. ...Этот самый закон в качестве принудительного закона конкуренции заставляет соперников нашего капиталиста ввести у себя новый метод производства». При этом К. Маркс ссылается на общеизвестность этого процесса, цитируя издание 1720 г.: «...всякое изобретение, инструмент или машина, позволяющее обходиться с меньшим количеством рук и, следовательно, производить дешевле, вызывает у других своего рода необходимость и соревнование или в использовании такого же изобретения, инструмента или машины, или же в изобретении чего-либо подобного, так чтобы все находилось в равных условиях и никто не мог продавать дешевле своего соседа» («The Advantages of East-India Trade to England». London, 1720, p. 67) (Маркс К. Капитал. Т. 1. // Маркс К., Энгельс Ф. Соч. Второе изд. Т. 23. С. 329).

^[30] Этот факт был подмечен еще первым русским политэкономом И.Т. Посошковым, который в своей рукописи, предназначенной для Петра I (1724 г.) отмечал, что «не дачей полного кормления у русских людей охоту и к мастерству прилежание тем пресекают и размножить добродушество не допускают» (Посошков И.Т. Книга о скудости и богатстве. М.: Издательский дом «Экономическая газета», 2001. С.248).

Отметим, что «добрым художеством» в то время называлась ремесленно-промышленная деятельность, т.е. говоря современным языком, низкий доход не стимулировал модернизации.

^[31] «Издержки, которых требует ведение предприятия, применяющего впервые новые изобретения, всегда значительно больше, чем издержки более поздних предприятий...Предприниматели – пионеры в своем большинстве терпят банкротство... (Маркс К. Капитал. Т.3, ч.1. // Указ. соч. Т.25, ч. 1. С. 116).

^[32] Как отмечает основатель компании Grid Dynamics (Кремниевая долина, US) Виктория Лившиц, в США «есть статистика, что из десяти хороших инициатив одна станет очень успешной. Две выживут, а семь разорятся. ...Причем десять проектов не просто так с

улицы пришли, они были лучшими из лучших» (Цит. по: *Билевская Э.* Кремль оценит риски // НГ 11.08.10. С. 3).

^[33] Другой вопрос, что эти же финансовые инструменты, «проникнув» в другие сферы, послужили «спусковым крючком» последнего финансово-экономического кризиса.

^[34] Этот тезис подтверждают предприниматели («...Губернатор дает номер своего мобильного телефона инвесторам. Эта мера...наилучшим способом улучшает инвестиционный климат. ...Все понимают, что есть прямая связь с главой региона, и эта мера ценнее, чем многочисленные толстые программы по улучшению инвестиционного климата» - из выступления вице-президента «Деловой России» А. Галушко на Бизнес-форуме предприятий реального сектора «Модернизация» 14.09.10. Цит. по: *Калмацкий М.* Не тот климат // Новые известия. 15.09.10. С. 3).

Этот факт отмечают и высшие представители экономических властей:

«До сих пор специфичность взгляда бизнеса на конкуренцию была такой: в выигрыше оказывается тот, кто имеет наиболее короткий доступ к чиновнику, который олицетворяет государство - по сути, конкуренция здесь идет не за потребителя, а за доступ к чиновнику» (Тезисы выступления министра Э. С. Набиуллиной на конференции «Конкуренция в России: как создать благоприятный климат для развития бизнеса», г. Москва, 26 ноября 2010 г.).

«У нас есть одни частные предприятия, которые ближе к Правительству и государству, чем другие частные предприятия. Т.е. пользуются административной поддержкой. Слияния, поглощения, доступ к ресурсам, часто решаются в кабинетах чиновников» (Из выступления заместителя Председателя Правительства РФ, министра финансов А. Л. Кудрина на VIII Красноярском экономическом форуме 18.02.2011 г.).

«Издержки для бизнеса могут колебаться — ты можешь заплатить больше или меньше в зависимости от степени «расположения» к тебе определенных людей внутри государственного механизма. Рациональное поведение для предпринимателя в этом случае — не соблюдать закон, а найти покровителей, договориться. Но такой «договорившийся» бизнес в свою очередь будет пытаться подавлять конкурентов, расчищать себе место на рынке, используя возможности аффилированных чиновников... вместо того, чтобы повышать экономическую эффективность своих предприятий (*Путин В.* Нам нужна новая экономика // Ведомости. 30.01.12.).

^[35] Аналогичная ситуация сложилась на значительной части постсоветского пространства (см.: *Киндзерский Ю.* Деформация института собственности в Украине и проблемы формирования эффективного собственника в неэффективном государстве // Вопросы экономики. 2010. № 7).

^[36] *Розанов В.В.* Уединенное. М., 1990. С. 37.

^[37] Работа проводилась на основе материалов внутреннего гранта ФГБОУ ВПО "РЭУ им. Г. В. Плеханова" «Разработка оригинальной методики рейтингования субъектов РФ» (№ 160 от 24.04.2012 г.) и опубликована в журнале «Федерализм», 2012, № 4.